

М. В. Шилкина

Свобода церкви и свобода общества: исторический опыт и проблема в современной России

Статья посвящена вопросам взаимосвязи свободы церкви и свободы общества в истории России и на современном этапе. Обзорно показаны основные прецеденты проявления церковью стремления к независимости от государства и к борьбе за свободу слова и совести в обществе. Отдельное внимание уделено обновленческому расколу 1920-х гг. как наивысшей точке противостояния церкви и государства, выделены его основные черты и методы. Автор приходит к выводу, что в России политическая и любая общественная свобода без свободы духовной невозможна, как и гражданское общество без поддержки свободной внешне и внутренне церкви. Но и возрождение церкви становится трудной задачей без поддержки общества, уважающего право личности на религиозный духовный выбор.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковно-государственные отношения, свобода совести, свобода церкви, свобода общества, обновленческий раскол.

Вопрос о свободе совести всегда имеет две стороны — общество и религиозные организации. Мы остановимся на отношениях Русской православной церкви, как наиболее многочисленной религиозной организации, и российского общества. Цель — рассмотрение взаимозависимости свободы церкви и свободы общества. Различными аспектами этой темы являются, во-первых, личная свобода человека в церкви и в обществе, которая может быть как внутренней, так и внешней, социально закреплённой; во-вторых, свобода самих институтов церкви и общества, которая опять же не ограничивается лишь правом легального функционирования, а предполагает возможность жизни в соответствии со своим призванием.

Во внешнем правовом смысле свобода совести и религиозных убеждений в России имеет совсем краткую историю: от Указа императора «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля

1905 г. до 1920-х годов, с которых начались целенаправленные гонения на общество и на церковь; и почти через 70 лет перерыва от Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. по настоящее время. Всего меньше полувека.

В нашем исследовании мы опираемся на многократно высказанную в литературе мысль о том, что от князя Владимира до наших дней Русская православная церковь не только была на практике тесно связана с государственной властью, будучи фактически порождена ею в своих канонических поместных формах и границах, но и стремилась укрепить и оправдать эту связь даже в условиях все нарастающей зависимости от государства [Шилкина, 9]. Для большинства исследователей и для современного общественного и массового сознания это единственная традиция. Мы позволим себе с этим не согласиться и высказать предположение, что стремление к независимости церкви от государства, прежде всего независимости внутренней, именно как свободе совести и жизни по своим христианским убеждениям, также присутствовало в Русской православной церкви с самого начала ее жизни. Мы назовем здесь церковных деятелей, на различных этапах представляющих опыт жизни церкви вне жесткой зависимости от государства. Речь идет не столько о тех, чья жизнь не была связана с государственной властью (таких всегда было немало, но это не всегда означало сознательное стремление к независимости), сколько о тех, в чьей жизни и трудах присутствовала ситуация выбора: опереться на сильных мира сего или сохранить духовную свободу. Такие примеры часто не были доминирующей традицией, поддерживаемой официальной церковной структурой. Перерывы между ними могли длиться десятилетиями, они возникали без видимой преемственности друг с другом, исполняли свое призвание и прекращали свое существование либо насильственным путем, либо поглощенные более сильной официальной структурой.

Носителями традиции стремления церкви к независимости от княжеской власти в *домонгольский период* можно назвать основателей общежительного монастырского жития на Руси прп. Антония (983–1073) и Феодосия (ок. 1008–1074) Печерских¹,

1. «Многие монастыри поставлены царями, боярами и богатством, но не таковы они, как поставленные слезами и пощением, молитвою и бдением. Антоний вот не имел ни золота, ни серебра, а все приобрел слезами и постом» (Нестора, инока

обители монастыря Печерского, сказание о том, почему монастырь был прозван Печерским // Киево-Печерский патерик. Слово 7. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/438044/> (дата обращения: 10.03.2016)).

свт. Леонтия Ростовского, стремившегося просвещать народ и видеть церковь равноправным свободным учителем князя и народа (1164–1073). С XII в. на Руси известны православные братства, которые собирались из активных прихожан, как неформальные структуры, для общения и помощи неимущим. Просуществовали они довольно долго [Копировский, 5]. В домонгольский период церковная и княжеская власть были взаимно заинтересованы друг в друге, во-первых, по причине слабости княжеской власти, во-вторых, за счет поставления митрополитов греческим патриархом из числа греческих епископов, что придавало им больше независимости.

После разгрома государственной, культурной и духовной жизни Древней Руси в XIII в. — первом веке монгольского завоевания — возрождение началось не с укрепления союза церкви и государства, а с освобождения от него. И не государство, а церковь нашла в себе силы для собирания и вдохновения народа в иноческом (по существу, не по обряду только) общежительном житии, в подъеме творчества иконописцев, храмовых зодчих и переписчиков книг, в первом переводе Библии на русский язык, в развитии внешней миссии.

Однако нарастание политической независимости и централизации государства привело к возрастанию его давления на церковь, от которой оно требовало теократической легализации своей власти, постепенно подменяя собою даже каноническое старшинство церковной иерархии. Внутренней причиной того, что в церкви нашлись влиятельные силы, готовые оказать такую поддержку государству и опираться на него в решении церковных проблем, явилось отсутствие в ней просвещения и как оглашения, и как ученой книжности. Внешней причиной стала византийская наследственность. В Византии видели наследницу римской государственной мощи, что подчеркивало связь Константинополя с первым Римом, и исходной фигурой становился уже не Константин, а Август-кесарь².

И все же ключевые фигуры периода *северно-русской митрополии* (1237–1588) — это «игумен земли русской» прп. Сергий Радонежский и прп. Нил Сорский. Основоположник нового иноческого пути и создатель общинножительных монастырей, заве-

2. В «Сказании о князьях Владимирских» со-держатся две легенды: о происхождении правящей династии Рюриковичей от римского императора Августа и о передаче царских регалий византий-

ским императором Константином своему внуку великому князю Владимиру Мономаху. См. [Дмитриева].

щавший «взиранием на Святую Троицу преодолевать страх перед ненавистной рознью мира сего», отказавшийся от сана митрополита, но много сделавший для собирания единого народа и единого государства, прп. Сергей действительно сделал, по словам Г. П. Федотова, шаг от мистики до политики, отдавал свои духовные силы для собирания русской земли, брал на себя выполнение политических поручений. Но не это главное в нем, а тот «абсолютизм христианства», который сделал основанные им и его учениками монастыри центрами духовного влияния на все общество [Кочетков, 22–23].

Движение заволжских старцев прп. Нила Сорского исследователь его творчества Г. М. Прохоров назвал «движением сопротивления» упадку Руси-государства, втягивающему в этот упадок церковь. Он писал:

Именно это монашеское движение, не ставившее перед собой прямых политических целей, но устремлявшее умы и сердца к Богу, к Вечности-настоящему, вывело Великую Русь из духовного и культурного кризиса, но также и из государственно-политического [Преподобные, 6].

Нил Сорский, полагал Прохоров, «должен был видеть происходившую тогда смену эпох и оказывался перед выбором: либо “плыть по течению”, несущему к полной интеграции русской церковности и великорусской государственности, либо начинать собственное “движение сопротивления”» [Преподобные, 7].

Вопреки воле царя он выбрал второе. Прп. Нил Сорский был первым, кто на Соборе 1490 г. выступил против фабрикации обвинений в «ереси», когда преследуются «слишком человеческие» цели, и тем самым едва ли не первым в истории Руси защищал свободу религиозных убеждений.

В XVI в. мы видим явление свободы совести, слова, убеждений в служении митр. Филиппа Московского (Кольчева). Его бесстрашные обличения царя Ивана Грозного в беззакониях и пролитии крови, публичный отказ дать благословение царю после службы в Успенском соборе Кремля, «грамотки», которые он, заключенный в тверском Отроч монастыре, рассылал по всей Руси, привели его к казни. Они явили Русскую церковь как единственную силу, способную в это время к свободному публичному слову.

Патриарший период в истории церкви (1589–1700) — период внешнего блеска, влиятельного положения в обществе, патрио-

тических подвигов в эпоху смуты и гражданской войны, и тем самым все большего слияния с государством, тем не менее, сохранил в истории Русской церкви опыт участников православных братств на Западной Украине и в Западной Белоруссии, противопоставших унии. Львовское, Виленское братства показали, что судьба церкви может во многом определяться ее членами не только без участия, но иногда и вопреки государственным и церковным структурам.

Их авторитет был настолько высок, что никто не осмеливался оспаривать их права, которые они постоянно подтверждали своей деятельностью. Уникальный исторический опыт мы имеем, когда братство выходит за уровень прихода и становится церковно-значимым элементом [*О православных*].

Окончательное слияние официальных церковных структур с государством в *синодальный период* (1700–1917) не помешало восстановлению в церкви традиции стремления к независимости. К ней можно отнести родоначальника оптинского старчества, возродившего на Руси интерес к византийскому исихазму, прп. Паисия Величковского (1722–1794), свт. Тихона Задонского (1724–1783), прп. Серафима Саровского (1754–1833) и благословенное им массовое (до ста тысяч человек в Поволжье и Сибири) духовное движение «беседников», дожившее до наших дней. Именно в их трудах начинает вызревать в русском православии общинно-братская экклезиология. Эти идеи были подхвачены славянофилами и ценителями церковной, особенно местной, соборности, такими как А. С. Хомяков, Ф. М. Достоевский. К концу синодального периода появляется и растет русское религиозно-философское возрождение и движение по подготовке церковной реформы, включавшее в себя движение за проведение Поместного собора православной церкви.

В тесной связи с ним наиболее существенным фактором стремления к освобождению церкви стало массовое рождение в разных городах братств и общин. К началу XX в. их насчитывалось более 100, во многом они еще были связаны с церковной приходской системой. Наиболее свободным из них было Крестовоздвиженское братство в Черниговской губернии, основанное Н. Н. Неплюевым, представителем древнего боярского рода Колычевых, из которого происходил и митр. Филипп Московский. Это был первый в России опыт внеприходского братства, в основе жизни которого лежало убеждение его основателя в возможности устроить жизнь на евангельских началах [*Игнатович*]. Братство было

уничтожено в 1929 г. во время второй волны коллективизации на Украине³.

Период гонений на церковь (1918–1988) стал для церкви источником возрождения, очищения, истинного покаяния и рождения нового опыта жизни. В самом начале его стоит Поместный собор Русской православной церкви 1917–1918 гг., собравшийся после 200-летнего перерыва и впервые в истории провозгласивший независимость церкви от государства [*Соборное*, 54–57].

К опыту независимости от государственной опеки этого периода мы относим в *России* подвиг новомучеников и исповедников российских, в условиях тоталитарного коммунистического режима не только сохранивших веру, церковь, но и возродивших самое главное в ней — независимую от государственного покровительства жизнь, общины и братства — потаенную церковь, неподконтрольную государству. Массовое возникновение тайных общин и братств получило каноническое основание в призыве патриарха Тихона «немедленно устроить церковные союзы, доброю волею становиться в ряды духовных борцов на защиту попираемых ныне прав Церкви православной» [*Послание*]. С этим тесно связано движение «непоминающих» и преодоление обновленческого раскола, организованного ОГПУ, суть которого была в сервилизме и подчинении церковной иерархии советской власти.

В *эмиграции* — это образование Западноевропейского экзархата (митр. Евлогий)⁴, движение РСХД и братство Святой Софии (прот. Сергей Булгаков), взлет русской богословской и религиозно-философской мысли, сосредоточенной прежде всего в Свято-Сергиевском институте в Париже и Владимирской академии в Нью-Йорке, создание в Лондоне Сурожской епархии во главе с митр. Антонием (Блумом), их жизнь и служение в соответствии с решениями Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг. А также преобразование Американской митрополии (крупнейшего тогда церковного объединения русских эмигрантов) и создание на ее основе автокефальной Американской православной церкви. При поддержке патриарха Тихона ее вдохновителем и автором нового

3. Наконечная А. «В Братстве нельзя оставаться, не имея веры, любви и смирения» // Кифа. 2016. № 3 (205). С. 4.

4. «Их духовным руководителем стал митрополит Евлогий (Георгиевский)... Получив право управления русскими приходами на строго каноническом основании, этот архиерей строил Церковь, способную жить в условиях открытого

гражданского общества и реального мировоззренческого плюрализма. Как отмечает российский издатель его мемуаров диакон (ныне священник) Илья Соловьев, митрополит Евлогий выступал против “боязни свободы слова, мысли, духовного творчества”. Красиков А. А. Русская Православная Церковь. От «службы государевой» к испытанию свободой [*Новые*, 139].

Устава и принципов деятельности стал протопр. Александр Шмеман. Впервые в истории смогла образоваться духовно и политически свободная православная церковь.

В истории советского периода было несколько важных моментов, проявивших отношение церкви и общества к свободе друг друга. Конечно, основной силой, определявшей границы внешней свободы общества и церкви как религиозной организации, было государство. Но сколь мало было взаимодействие двух крупнейших народных сил — церкви и общества — в противостоянии государственному беззаконию!

Декрету СНК от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», лишившему церковь прав юридического лица, возможности иметь имущество и участвовать в любых публичных отношениях, начавшемуся террору в стране противостоял Поместный собор 1917–1918 гг. в послании патриарха Тихона от 19 января 1918 г., которое защищало и церковь, и весь народ. Но этот голос был слишком слабым для огромной страны. Со стороны же общества не прозвучало ни одного слова в защиту Русской православной церкви ни в 1920 г. во время кампании по изъятию церковных ценностей под ложным прикрытием борьбы с голодом, а на самом деле ограбления народа, чье культурное достояние было сосредоточено именно в церкви, ни в 1922 г. при организации ОГПУ обновленческого раскола, арестах и расстрелах епископов и священников, желавших сохранить верность канонической церкви.

В истории обновленческого раскола, как в зеркале, отразились все процессы церковно-государственных отношений начального периода советской власти: изощренные и, как казалось, беспроигрышные методы борьбы большевиков с церковью, неготовность церкви разобратся в целях и методах этой борьбы и одновременно — согласие части иерархии на сервильизм во имя личных эгоистических интересов. Остановимся подробнее на этом проекте большевиков, поскольку именно эти методы и по сей день используются наиболее антицерковной частью государства и общества.

Обновленческий раскол, продуманный Политбюро с подачи Троцкого и осуществленный руками ОГПУ, стал важным опытом борьбы с церковью. Он имел свою идеологию и свою политтехнологию, которые ранее были использованы при уничтожении партии эсеров, а впоследствии стали применяться в борьбе с другими религиями. В чем актуальность этой темы сегодня?

1. Проблема обновленчества связана с проблемой свободы совести человека, и не только как духовной свободы духовного существа, стремящегося жить по вере, но и как индивидуальной свободы человека и гражданина. Организованное насилие по отношению к религиозной организации с целью разложения ее изнутри через провокацию и поддержку внутреннего конфликта (чем и был обновленческий раскол) впоследствии применялось по отношению к политическим партиям, творческим союзам, другим религиям, став одним из основных методов подавления инакомыслия.

2. Внутрицерковная жизнь не отделена от жизни общества, с точки зрения социальной церковь — часть общества, она ему не противостоит. И поэтому расколы в церкви, инспирируемые властью, имеют большое общественное значение, сказываются на жизни общества, так как затрагивают многие социальные и демографические группы.

3. Обновленчество как явление в церковной и в политической истории России мало изучено. Благодаря этому происходит где сознательная подмена, а где — по незнанию и отсутствию достаточной литературы — смешение его с движением обновления церкви начала XX в. Целью таких подмен и результатом подобных смешений становится неумение различать в современной жизни Русской православной церкви как реальные шаги к ее обновлению и возрождению, так и попытки определенных сил возродить методы антицерковного давления, которые практиковались обновленцами.

Не пересказывая историю обновленческого раскола 1920-х гг., постараемся обозначить черты, которые отличают обновленчество от многовековой традиции союза церкви с государством. Это особенно необходимо сделать в связи с попытками свести все многообразие многовековых отношений к однотипной «русской церковной политической культуре» (термин А. Малашенко) [Малашенко]. Итак, это следующие черты:

1) сотрудничество части иерархии и духовенства не просто с государственной властью, а с тайной полицией, которая в большей мере подчинялась партии большевиков. Таким образом, это был союз с тайной полицией в политических целях;

2) со стороны обновленческой церкви — сервильизм, готовность в обмен на сохранение и легальность церковной структуры выполнить любые требования ОГПУ;

3) со стороны партийных органов и органов ОГПУ — это не попытка заменить нелояльную советской власти церковь

на лояльную, а стремление разложить церковь изнутри руками церковной иерархии, чтобы потом уничтожить тех и других.

Основными методами обновленчества стали:

- 1) раскол церкви через создание параллельных неканонических структур власти,
- 2) стремление дискредитировать и убрать патриарха, избранного Поместным собором,
- 3) готовность перемещать епископов с кафедры на кафедру или отправлять их на покой вплоть до запрета поминать за литургией по требованию органов ГПУ, прикрывая это церковной необходимостью. Осуществлялось это нередко через доносы на священнослужителей, приводившие к арестам.

Какие последствия для общества и его свободы имел этот проект?

Во-первых, надолго, вплоть до сегодняшнего дня, было дискредитировано всякое обновление, возрождение Русской православной церкви, в том числе, может быть, даже в первую очередь, решения Поместного собора РПЦ 1917–1918 гг., который впервые в истории православия принял соборное определение, что «Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней церковной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквями независима от государственной власти» [*Соборное*]. Причем церковное обновление было дискредитировано прежде всего внутри церкви, напуганной расколом. А в обществе была полностью подорвана вера в то, что в церкви обновление возможно, хотя именно Русская православная церковь начала XX в. до переворота 1917 г. была источником движения к подлинной внутренней свободе в противовес восстаниям, революциям, террору как методам политической борьбы.

Во-вторых, жестокие гонения на церковь, самые массовые репрессии в истории христианства, нередко опирающиеся на доносы обновленцев, были представлены как результат внутренней склоки, большевики получили существенное оправдание даже в глазах международного сообщества и ведущих православных церквей⁵.

В-третьих, обновленческий раскол вместе с изъятием церковных ценностей лишил церковь возможности сохранить огромную

5. Например, временная поддержка Константинопольским и Александрийским патриархатами обновленческого ВЦУ в мае 1924 г.

часть национального культурного достояния, которое было разграблено, продано за бесценок для оплаты оружия Красной армии и укрепления советской валюты, а не для помощи голодающим, как это было представлено. Так сложилась история России, что большая часть ее культурных богатств создавалась в церкви или как дар церкви и хранилась в Кремлях, Лаврах, соборах, епархиальных хранилищах, монастырях и храмах. Только уничтожив церковь морально и физически, можно было беспрепятственно распоряжаться ими.

Серьезной проблемой, порожденной этим беззаконием, не решенной до сих пор ни церковью, ни обществом, является защита от поругания религиозных святынь и культурного достояния общества. Это две стороны одной медали, а их удалось противопоставить, породить между церковью и культурой взаимные непонимания и противоречия.

Заключая наши размышления, можно утверждать, что в 1922–1924 гг. в обновленческую церковь перешли многие архиереи, духовенство, прихожане, надеясь на то, что именно в ней начнется долгожданное церковное обновление, что Русская православная церковь станет свободной от вмешательства государства в основном своем служении и призвании. Но они были обмануты представителями органов власти и своими же собратями, которые пришли служить этой власти и разрушать каноническую церковь во имя корыстных интересов. Многие из них вернулись с покаянием в патриаршую церковь. Среди тех, кто вернулся, и тех, кто остался в обновленческих приходах, оказалось немало исповедников и мучеников за веру.

Но независимо от этого обновленчество как партийный антицерковный проект имело свои духовные, идеологические, политические и технологические проявления. Именно поэтому обращение к нему в политических и идеологических целях возможно на всех этапах церковно-государственных отношений.

К концу 1920-х гг. обновленческая церковь перестала интересоваться ОГПУ, стало понятно, что проект не дал планируемых результатов, и основные усилия советского государства вновь были направлены против Русской православной церкви.

В обществе прошли незамеченными вынужденная Декларация митр. Сергия (Страгородского) 1927 г. о лояльности безбожному государству в обмен на легальное существование, второе восстановление патриаршества в 1943 г., дальнейшее существование церкви в условиях общественной изоляции, вмешательства госу-

дарственных органов в поставление священнослужителей, ограничения полномочий архиерея и настоятеля в управлении приходом, запрета на религиозное образование и лишения права на имущество, финансового давления на духовенство.

Разоблачение культа личности Сталина в 1956 г. на XX съезде КПСС, «оттепель» 1960-х в обществе сопровождались масштабными хрущевскими гонениями на церковь. Хрущев закрыл храмов больше, чем Сталин открыл после 1943 г. Арестов было меньше, но они были, а в основном было жесткое финансовое и идеологическое давление. Последним заключенным в СССР по религиозным мотивам был П. Г. Проценко, арестованный 4 июня 1986 г. Эти процессы шли одновременно. Отсутствие протестов со стороны общества способствовало укреплению советской идеологической машины, которая усиливала давление на общество.

Этот исторический обзор попыток борьбы за свободу церкви позволяет нам сделать некоторые выводы.

1. В дореволюционный период разделить вопросы свободы слова, совести, убеждений в церкви и в обществе невозможно. До 1905 г. и в церкви, и в обществе со стороны государства они были одинаково подавляемы.

2. На протяжении всей истории РПЦ не прекращались попытки сохранять внутреннюю свободу веры, совести и убеждений от государственного давления и контроля, хотя нередко вне рамок официальной церковной структуры. Высшей формой таких попыток являлись православные братства и общины неприходского типа.

3. Однако даже в этих прецедентных случаях вопрос о свободе совести отдельного человека в церкви и обществе не вставал.

4. Защита свободы церкви часто означала и защиту свободы слова и убеждений в народе, в обществе. Церковь до переворота 1917 г. была источником движения к подлинной внутренней свободе в противовес восстаниям, революции, террору как методам политической борьбы.

Посмотрим теперь подробнее на современный период с точки зрения свободы совести, как ее понимает международное право и действующая Конституция России. Серьезные проблемы видимы и на законодательном, и на правоприменительном уровне.

Задача разработки нового законодательства о свободе совести стала актуальной в 1986–1990 гг., когда союзный центр

пытался сохранить существующее государство, а в республиках набирало силу сепаратистское движение. В этих условиях властные структуры в центре и на местах надеялись достичь своих политических целей с помощью религиозного фактора, ставили перед собой задачу формирования новой политики в области свободы совести [Кудрявцев]. В 1988 г. началась разработка законопроекта о свободе совести, и 25 октября 1990 г. он был принят Верховным Советом РСФСР. Либеральный закон не соответствовал российской правовой традиции и массовому сознанию, что вызвало реакцию консервативных сил в церкви и обществе и требование таких изменений, которые, в случае их принятия, могли бы фактически отменить всякую свободу совести. К началу 1993 г. стали очевидны новые тенденции, проявившиеся в быстром распространении новых религиозных движений и культов, иностранных религиозных миссий, возникновении конфликтных ситуаций между различными конфессиями. Началась работа по подготовке нового федерального закона. 19 сентября 1997 г. Государственная дума приняла Закон «О свободе совести и религиозных объединениях». Он явился плодом длительных дискуссий и непростого компромисса, как в Парламенте, так и между Президентом, руководством крупнейших религиозных организаций России и Парламентом. Закон на время уравнивал либеральные и консервативные тенденции [Конференция].

Однако практика его применения проявляет серьезные противоречия между понятием свободы совести и преамбулой Закона, которая ввела понятие традиционных религий и тем самым ограничила свободу совести не только для тех религий, которые не вошли в этот список, но и для поименованных религий. Их свобода имеет теперь не духовные, а исторические и социальные основания (православие — вера большинства и имеет большие заслуги в государственном и культурном созидании).

Серьезной проблемой в области свободы слова, а значит, и совести, не решенной ни церковью, ни обществом, является защита от оскорбления религиозных святынь и культурного достояния общества. Это две стороны одной медали, и введение в Уголовный кодекс статьи 148 «Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» только обострило противоречие и породило большое пространство для взаимного непонимания и произвола государственной власти, которая им пользуется.

Важной проблемой в реализации права на свободу совести является реакция РПЦ на эту конституционную норму. В Основах социальной концепции РПЦ, принятых в 2000 г., говорится:

Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу Церкви и к победе над грехом. Но этот принцип оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества [*Церковь*].

Таким образом сегодня Русская православная церковь готова принять право на свободу совести только как меньшее из зол, так как оно позволяет церкви существовать в секулярном обществе. Здесь видны две стороны: во-первых, проблема межрелигиозных отношений и привилегий государственно покровительствуемой церкви, и во-вторых, проблема прав человека и свободы личности. Обе они связаны, во-первых, с отношением к праву в православном богословии и русской религиозной философии, и во-вторых, с проблемой допустимости духовного насилия. В современном российском массовом сознании не без оснований сложилось впечатление, что необходимо делать выбор между православной этической традицией, с одной стороны, и современной правовой либеральной культурой, с другой, т. е. между христианской любовью и правами человека. Однако это не выражает всей полноты предания РПЦ, не говоря уже о евангельском откровении.

Заключая наши размышления, можно утверждать, что не может быть отдельных свободы мысли, слова, совести в политике и свободы совести в религиозной жизни. Противоречия между ними сопровождали всю российскую историю, обостряются они и сейчас, теряет от этого и церковь, и общество. В нашей стране политическая и любая общественная свобода без свободы духовной невозможна, как и гражданское общество без поддержки свободной внешне и внутренне церкви. Но и возрождение церкви становится очень трудной задачей без поддержки общества, уважающего право личности на религиозный духовный выбор.

Литература

1. *Дмитриева* = Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л. : АН СССР, 1955. 232 с.
2. *Игнатович* = Аристократизм сословный и духовный. URL: <http://psmb.ru/community/article/aristokratizm-soslovnyi-i-dukhovnyi-6402/> (дата обращения: 08.04.2016).
3. *Конференция* = Конференция, посвященная 10-летию Закона о свободе совести, прошла в СПбХУ. URL: <http://www.spbcu.ru/ru/posts/105> (дата обращения: 07.10.2015).
4. *Копировский* = Копировский А. М. Вступительное слово председателя братства «Сретение» // Приход, община, братство, церковь : Сборник материалов ежегодной встречи Преображенского братства, 17–19 августа 1991 г. Изд. 2-е, испр. М. : МВПХШ, братство «Сретение», 1994. 84 с.
5. *Кочетков* = А. (Кочетков Георгий, свящ.) Крещение Руси и развитие русской миссии // Вестник РХД. 1989. № 156. С. 19–25.
6. *Кудрявцев* = Кудрявцев В. В. Лекции по истории религии и свободомыслия. Минск : ТетраСистемс, 1998. 384 с.
7. *Малашенко* = Малашенко А. Православие в публичном пространстве: война и насилие, герои и святые. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/12/d33443/> (дата обращения: 21.05.2016).
8. *Новые* = Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каарияйнена, Д. Фурмана. М.; СПб. : Летний сад, 2007. 416 с.
9. *О православных* = Иоанн Флеров, свящ. О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб. : тип. Эдуарда Веймара, 1857. 205 с. Переиздание: Минск, 1996.
10. *Послание* = Послание святейшего патриарха Тихона от 19 января 1918. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Belavin/poslanie-patriarha-tihona-s-anafemoj-bezbozhnikam (дата обращения: 07.10.2015).
11. *Преподобные* = Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский : Сочинения / Сост. Г. М. Прохоров. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2005. 424 с.
12. *Соборное* = Соборное определение от 2 (15) декабря 1917 г. «О правовом положении Православной Российской Церкви» // Дестивель Иакинф, свящ. Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 годов. М. : Изд-во Крутицкого подворья «Общество любителей церковной истории», 2008. С. 54–57.
13. *Церковь* = Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М. : Даниловский благовестник, 2000.

14. *Шилкина* = Шилкина М. В. Исторические модели взаимоотношений Русской православной церкви и государства и их влияние на современные церковно-государственные отношения // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2014. Вып. 9. С. 9–31.

M. V. Shilkina

Freedom of Church and Freedom of Society: Historical Experience and Actual Problem in Today's Russia

The article deals with the interrelation between the freedom of the church and the freedom of the society in Russian history and in the contemporary period. The article describes the main precedents of how the church strived for attaining independence from the state and stood up for the freedom of speech and the freedom of worship in society. The Renovatist schism in the 1920s is highlighted as a culminating point of contradiction in the church-state relationship. The author concludes that in Russia any kind of political or social freedom is impossible without spiritual freedom as well as civic society is impossible without support from the church which is free both internally and externally. But the revival of the church is a difficult task without support from society, which respects the person's right for free spiritual choice.

KEYWORDS: church-state relationship; freedom of worship; freedom of church; freedom of society; the Renovatist schism.